

Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и кончая сегодняшним временем.

Мы продолжаем публикацию перевода глав из книги Елены Говор *My Dark Brother*. (Начало №9, 10, 11, 12)

МОЙ ТЕМНОКОЖИЙ БРАТ

Елена ГОВОР

ОТ ФЕРМЫ К КОЛОНИИ

Из Патагонии в Австралию через Париж и Монте-Карло

Николай пересекал Атлантический океан в шестой и последний раз, и ему вспомнились строки его давнего стихотворения. Когда он послал его Саше, все было по-другому — он был один, охвачен отчаянием. Теперь же они снова были все вместе, на пути в новый мир.

*Но лишь только дрогнет парус,
Ветр коснется челнока,
Как с энергиею новой
Повернет его рука.*

*И надежды светлой полон
Изберет он путь другой...¹*

Теперь этот путь вел их в неведомую Австралию, и мысли Николая были о том, как устроить там русскую колонию. С мыслью о потенциальных русских эмигрантах вскоре он начнет детально описывать опыт иммиграции его семьи в «Письмах из Австралии», напечатанных на страницах газеты «Новое время»:

«По прибытии в Лондон мы обратились в правительственную агентуру Квинсленда, где без всяких затруднений были зачислены эмигрантами на первый отбывающий в Австралию пароход "Omrah", компании "Orient Line". Билет обычного пассажира 3 кл. стоит до Брисбена 17 ф. ст. Как эмигранты мы заплатили: мои сыновья и дочь по 5 ф.; я как имеющий более 45 лет — 12 фунтов; жена моя как мать работоспособных эмигрантов, даром».²

Однако, воспоминания его внуки Нелли свидетельствуют, что их процесс иммиграции шел не столь гладко, но без этого Николай не был бы собой:

«Они поплыли на корабле в Англию, а из Англии в Париж, и там они задержались на несколько дней перед тем как сесть на корабль, отходивший в Австралию. У деда были деньги и он заявил, что отправится играть с этими деньгами и ему обязательно повезет. Повезло ему только в

одном — он проиграл все эти деньги, но у него остался заранее купленный билет на поезд, обратно из Монте-Карло в Париж. Хорошо, что у него был билет, поскольку он вернулся в Париж без гроша в кармане. Вот тогда они и сели, наконец-то, на корабль и отправились в Австралию».³

Эта последнее посещение Николаем Европы прошло под знаком двух его главных страстей — игры и поэзии. Ни та, ни другая не была ради денег как таковых, но ради опьяняющих моментов власти над обыденностью. И хотя «госпожа Удача» подвела его на этот раз, его поэтическая муза встретила в Париже теплый прием.

В 1910 году, когда сюда приехали Ильины, Париж уже стал центром русской культуры в Европе, как впрочем и центром русской эмиграции. Сергей Дягилев организовал там знаменитые русские сезоны — выступления русской оперы и балета, к нему присоединились «Мир искусники». На афишах грациозная Анна Павлова соседствовала с Федором Шаляпиным в царском одеянии и с буйством русской народной фантазии «Жар-птицы» и «Петрушки». Париж открывал Россию и русские открывали Париж. Будущие мэтры русского искусства стремились сюда надышаться воздухом французской свободы и модернизма. Среди них были поэты — Константин Бальмонт, Анна Ахматова, Николай Гумилев — и художники — Марк Шагал, Василий Кандинский, Лев Бакст. Русских можно было найти в дешевых студиях на Монмартре, в артистических кафе и салонах. Для Ильных, которые еще пару месяцев назад вели «пастушескую жизнь» на склонах Анд, в далекой Патагонии, погружение в эту электризирующую русско-французскую ауру Парижа стало настоящим праздником.

Но для Николая этого было недостаточно. Его не оставляли мысли о далекой России, о ее страдающем народе. Вскоре он уже был среди

¹ Надпись на фотографии, архив Флоры Хулихэн

² Н. Ильин. Письма из Австралии. — Новое время, 14 августа 1913 г.

³ Flores, 'Memoirs', p.6.

«своих» — политэмигрантов. Найти их было нетрудно. Анна Ахматова, приехавшая в Париж в свадебное путешествие за несколько месяцев до Ильиных, вспоминает, как знакомый показал ей в «Taverne de Panteon» два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы, тут — большевики, а там — меньшевики». Большевики, меньшевики, эсеры, максималисты — в Париже был представлен весь спектр русских радикалов, ведущих бесконечную политическую борьбу друг с другом. Революционный идеализм Николая, стоявшего вне политических партий, казалось, возвращал им утраченное понимание конечной цели революции. В своем варианте французской «Марсельезы» (это был тот самый «Французский гимн», о котором мне рассказывали его внуки-аборигены!), он провозглашал:

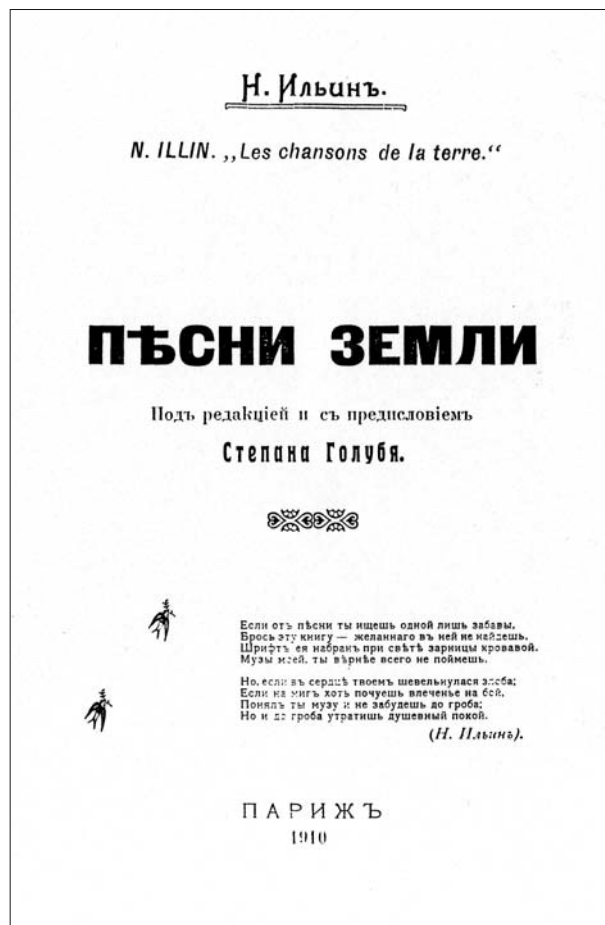
*На изуверов страх кровавый
Мы нашей мощью наведем
И на насильников управу
В труде найдем.*

*Кумир мы смело сбросим с трона
И обратится в бегство царь;
В прах будет стоптана корона
И смят алтарь.*

*Усилим общим все народы
Построят светлый храм труда
И вспыхнет равенства, свободы
Над ним звезда.⁴*

В Париже Ильин сошелся с Николаем Глебовым, меньшевиком, участником русской революции 1905 года, жившим в эмиграции под кличкой Степан Голубь и издававшим журнал «Пролетарское знамя». Молодого революционера заинтересовала необычная судьба Ильина, привлекло его «симпатичное и дружное семейство» и увлекла его поэзия. Он согласился заняться изданием в Париже сборника стихов Ильина. Деньги для такого издания Ильин ему оставил, а все доходы от продажи книги должны были пойти на издание «Пролетарского знамени». Голубь сдержал обещание, и в то время, когда Ильины начали расчищать джунгли на плато Атертон в Австралии, в Париже появились элегантно изданные «Песни земли» с предисловием Голубя. Главным в поэзии Ильина Голубь считал его способность противопоставить «декадентствующим» символистам вроде Константина Бальмонта страстную идею свободы и справедливости. «Поэт-дедушка», как называл Ильина Голубь, казалось, в своем горном изгнании, под холодными пиками Анд, сохранил в чистоте демократические идеалы девятнадцатого века, которые в Европе и в самой России уже пошатнулись под

влиянием новых модных веяний. В самом названии его книги — «Песни земли» — звучал вызов Бальмонту — «поэту солнца». Голубь сожалел только об одном — что «эти песни не прочтут сейчас там, куда бы их больше всего желал на-

править сам поэт, и где на самом деле такие песни больше всего нужны» — на родине.⁵

...Экземпляр «Песен земли», принадлежавший Николаю, имел, как и его «Дневник толстовца», свою судьбу. В 1921 году из Австралии он отправился с Николаем в Колумбию и Гондурас, а после его смерти перешел в собственность Ромелио. Прошли годы и однажды, уже в 1960-х годах, Леандро, сын Ромелио, пришел домой в большом волнении — в Гондурас впервые зашел русский корабль. Это были первые русские, которых он увидел, его потерянные братья, та ниточка, которая связывала его с далекой родиной его предков. Моряки были очень дружелюбны и приняли его как своего. Он рассказывал им о своем деде Николае Ильине и отдал им его книгу «Песни земли». Узнав об этом, Ромелио очень расстроился — это был их единственный экземпляр книги. Но вернуть ее уже было невозможно — корабль ушел... Услышав эту историю от Ле-

⁴ Ильин, Песни земли, с. 35.

⁵ Ильин, Песни земли, с. 15.

андро в 1996 году, я поняла его, и тоже расстроилась — это мог быть единственный сохранившийся экземпляр книги, ни в одной библиотеке ее, как казалось, не было. К счастью Надежда Васильевна Рыжак из Российской государственной библиотеки обнаружила книгу Ильина в фонде Николая Рубакина, известного библиофила. Получив копию, я послала экземпляр Леандро в Америку, а второй — в Турки, в музей на родине Николая. То, о чем Николай и Степан Голубь мечтали в Париже в 1910 году, свершилось, его стихи пришли к его землякам.

Надо сказать несколько слов и о судьбе Степана Голубя. После революции он вернулся в Россию, женился на сестре художника Павла Филонова и стал горячим сторонником его творчества. В 1938 г. был арестован и в 1948 году умер в ссылке от дистрофии.

Но вот, наконец, все волнения, связанные с их коротким визитом в Европу, были позади — они погрузились на «Омру». Это был огромный пароход водоизмещением 8282 тонны, совершавший регулярные рейсы между Лондоном и Австралией. На борту было более ста пассажиров, в основном эмигрантов из Великобритании, которые в пассажирских списках фигурировали как фермеры, разнорабочие, батраки. Ильины — Николай, Александра, Леандро, Ромелио и Ариадна — тоже были записаны как «батраки», что давало им основание воспользоваться льготным эмигрантским тарифом. На «Омре» была еще одна русская семья — Мария, Борис и Людмила Даниэль, — тоже оформленная как батраки.⁶

22 июля 1910 года «Омра» отчалила от пристани Тилбури на Темзе — отсюда отходили многие эмигрантские корабли. Ее провожала толпа людей, собравшихся на пристани. Позже Леандро писал об этом моменте: «Бедные, изможденные люди! Я читал на их лицах желание покинуть Лондон и отправиться куда-нибудь в поисках удачи». Теперь на полтора месяца — столько длилось путешествие до Австралии — Ильины

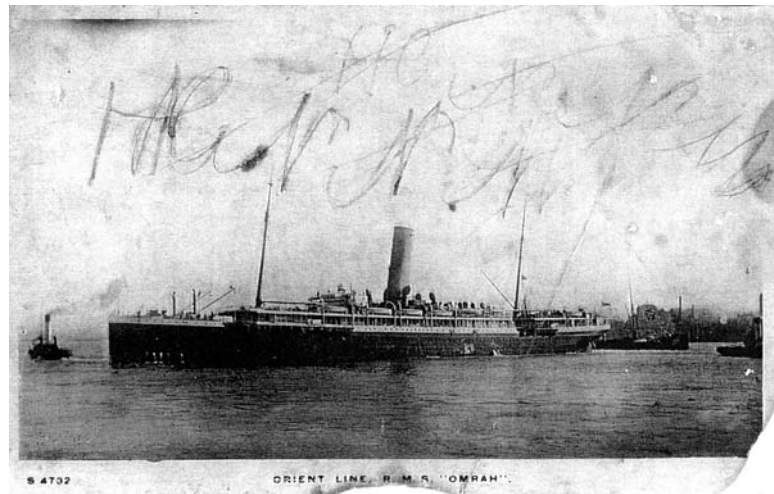
могли забыть о своих волнениях и наслаждаться путешествием. «Омра», под командованием капитана Х.Дж. Стонтона, была чистым, комфортабельным судном, где пассажиры третьего класса наслаждались «удобствами, — по отзыву Николая, — соответствующими тем, которыми пользуются у нас пассажиры второго класса на лучших пароходах». Тягостные воспоминания о его поездке с Леандро в Америку на пароходе, где они дрожали от холода, затиснутые с эмигрантами в межпалубном пространстве, остались в прошлом. 26 июля они прошли через Гибралтарский пролив, зашли в Марсель во Франции, затем в Неаполь и Таранто в Италии, где на корабль погрузили тюки с европейской почтой. 3 августа они остановились в Порт-Саиде, погрузившись в красочную атмосферу Востока. Леандро запомнился один эпизод: «Я что-то купил в лавке у еврея и заплатил ему совереном. Давая мне сдачу, он подсунул мне фальшивые монеты. Я отказался их взять, но он без зазрения совести настаивал. Я снова отказался, тогда он сунул их обратно в коробку с деньгами, смешал с другими, а потом вытащил их снова и попытался всучить их мне опять. И только когда я пригрозил позвать полицейского, он вернул мне мои деньги». Годы спустя практика Квинслендского правительства напомнит ему приемы того порт-саидского торговца.⁷

На рассвете следующего дня они прошли через Суэцкий канал. По дороге к Цейлону погода была прохладная, дул муссон; 13 августа они вошли в Коломбо. Память об этом дне все еще живет в семье Ильиных, в рассказах Эрни, внука

Николай Глебов (Степан Голубь). Рисунок Павла Филонова (ГРМ).

Открытка с изображением «Омры», на которой внуки Николая учились писать.

⁶ Register of Immigrants, IMM/132, QSA, p. 115.

⁷ Illin, 'Report of the Northern Territory', p. 71; L. Illin, 'Land for Soldiers', Cairns Post, 15 October 1918, p. 3.

Леандро. Пышная тропическая растительность, кокосовые пальмы, небо, исчерченное мачтами кораблей, стоящих в гавани, и местные мальчишки, окружившие «Омру» в надежде заработать монетку. Ловкие темнокожие фигурки, ныряющие в воду за монеткой, брошенной скучающими пассажирами, и улыбка на лице мальчишки, которому удалось ее поймать... Они покидали Коломбо вечером следующего дня, и еще долго провожали их огни маяка. Впереди лежала Австралия.

После пересечения экватора Южный Крест, который когда-то указывал им путь в странствиях по Аргентине, снова появился над горизонтом. Во время этого долгого перехода, как это часто бывало на эмигрантских кораблях, многие пассажиры приуныли, полные тревожных мыслей о далекой неведомой Австралии. Ильиных эта хандра не захватила — они были все вместе, да еще рядом были их земляки — семья Даниэль, — и маленький Гектор, сын Ариадны, забавлял их всех, делая первые неуверенные шаги по качающейся палубе.

Наконец 23 августа, после 10-дневного перехода, они вошли в гавань австралийского портового города Фримантл. Первое впечатление было самым радужным. Ильины не колеблясь подписались бы под зарисовкой, сделанной Николаем Крюковым, русским сельскохозяйственным экспертом, начавшим знакомство с Австралией во Фримантле за несколько лет до них:

«Вот мы и в Австралии! Светло-голубое небо, яркое солнце, отличная гавань, позволяющая останавливаться огромному океанскому пароходу у самой улицы, город с новыми красивыми каменными зданиями, люди, хорошо одетые, движущиеся в разных направлениях, и ни одного полицейского — таковы первые впечатления. Невольно вспоминаешь первую высадку во Владивостоке: черные сходни, черные, унылые здания на берегу, туман, навевающий холод, отсутствие движения и полицейский на первом плане, по видимому сам недоумевающий, зачем он тут торчит, а вместо суетливого движения людей мерное звяканье шпор. Не знаю, как на других, а на меня звон шпор всегда производит какое-то угнетающее влияние.

Итак, мы в Австралии. Так вот она, страна, лежащая за тридевять земель, наш антипод, где, по уверению старых, ныне вымерших уже учителей географии, люди ходят вверх ногами. Могу, впрочем, засвидетельствовать, что старики ошибались, а ходят люди как у нас, только одеты совершенно по-другому, нет ни босых ног, ни онуч, ни рвани, все одеваются в пиджачные

пары совсем светлой легкой материи, на всех чистые воротнички и рукавички, галстуки, на ногах ботинки черные или желтые, а на головах соломенные шляпы. Люди не бегут, не суетятся, не кричат, а идут не спеша, куда им нужно».⁸

«Омра» продолжала свой путь вокруг Австралии. Чопорная Аделаида, славящаяся своей «английскостью», во время их субботнего захода бурлила жизнью — в этот день магазины, рестораны и театры были открыты допоздна. Их наполняли рабочие и мастеровые, имевшие в субботу короткий рабочий день. Мельбурн, временно выполнявший функции столицы молодой австралийской федерации, поражал своим размахом, а на страницах газет шло обсуждение места для новой столицы, которая должна была превзойти все мыслимые города. Кандидатами были Ясс-Канберра и Далгети. В Сиднее, куда они прибыли 1 сентября, остановившись у Циркулярной пристани, их встретили золотые мимозы. Город праздновал недавно учрежденный День мимозы, который отмечал приверженность жителей Австралии их молодой стране и ее природе.

Самым сильным впечатлением Ильиных, сложившимся под влиянием этого первого знакомства с Австралией, было отсутствие бедности. Николай писал:

«Начиная с первого австралийского порта (Фримантл) и во всех последующих, мы глубже и глубже проникались впечатлением, вполне неведомым не только русскому человеку, но даже и нам, выдавшим Европу и обе Америки. Это впечатление можно вполне точно определить впечатлением «сплошной сытости». В портах ли, на улицах или в театрах, в будние дни или в праздничные напрасно глаз мой, привыкший до сего встречать то тут, то там человека или изнеможенного, или растерянного, или явно забитого безвыходной нуждой, напрасно полубессознательно для меня самого скользил он пытливым по одиночкам и по группам встречающихся в поисках за знакомыми захудалыми, жизнью загнанными типами. Таковых не находилось. И должен сознаться, что, уже побывав в главных городах Австралии и даже высадившись в Брисбене, я как-то невольно все же искал этой необходимой по-нашему нищеты и как будто казалось мне, что все же она есть (она должна же быть!), но только она где-нибудь в другом месте, и я ее не встретил».⁹

5 сентября 1910 года «Омра» прибыла в конечный пункт своего путешествия — Брисбен. «С

⁸ Н.А. Крюков. Австралия. Сельское хозяйство Австралии в связи с общим развитием страны. М., 1906, с. 20.

⁹ Ильин. Письма из Австралии.

“Omrah” — рассказывает Николай — на речном пароходе мы были перевезены в эмигрантский дом, чистый просторный барак на две половины — женскую и мужскую, рассчитанный человек на 200... В эмигрантском доме мы имели право пробыть бесплатно семь дней, в течение которых не могли жаловаться ни на пищу, ни на помещение». Для многих русских, приехавших в Австралию без денег и, главное, без знания языка, путь из иммигрантских барачков был только один — чернорабочими на строительство железных дорог, которые прокладывались в это время по всему Квинсленду. У Ильиных были другие планы: они хотели взять землю, «осеть колонистами». Николай, как бывший медик, отправился на прием к г. Мелишу, директору министерства общественного здравоохранения, который принял в нас горячее участие и лично повел меня к директору департамента колонизационного отдела (Department of Public Lands) г. Грахаму.

Мы прямо прошли к нему в кабинет, где нам пришлось посидеть с полчаса в сторонке, пока г. Грахам, сидя за своим письменным столом, дружелюбно беседовал с каким-то заскорузлым колонистом, сидевшим против него в кресле и курившим сигару.

Колонист осыпал его вопросами и получал неспешные, обстоятельные ответы. Только, когда его вопросы истощились, он поднялся с кресла и распрощался с сановником с непринужденностью равного с равным. Когда в кресле я заменил колониста, то убедился тотчас же, что и я равен моему собеседнику так же, как и мой предшественник.

Из вопросов, которые мне задавались, из разъяснений, которыми отвечали на мои, я сразу проникся убеждением, что тут происходит работа сознательная, разумная, без втирания очков, соблюдения проформы, без отписок и проволочек».¹⁰

В соответствии с законами, по которым легенда создается из обыденной жизни, Николай в своих «Письмах из Австралии» немного повысил своих ге-

роев в должности. Л.Э. Мелиш был секретарем в конторе комиссионера здравоохранения, а У.Дж. Грэхэм — чиновником справочного отдела в департаменте колонизационного отдела.¹¹ Мелиш и Грэхэм явились для Николая первыми чиновниками, которые персонифицировали новый, австралийский стиль отношений властей со своим народом, разительно отличавшийся от опыта, приобретенного Николаем в России за долгие годы его службы в Туркестане.

«М-р Грахам — продолжает Николай — после пятнадцати минут беседы знал меня как колониста вполне. «Вы можете брать землю, где хотите, — сказал он, — но вы нигде не будете удовлетворены ею и климатом, исключая Кэрнса. Это я говорю соображаясь с вашей прошлой земледельческой практикой. Мой совет — поезжайте в Кэрнс. Почва там превосходная, а климат — один из лучших в свете». Я его совета послушался».

Когда через неделю они покидали иммигрантский центр на берегу реки Брисбен, направляясь на север, в Кэрнс, молодая джакаранда, посаженная во дворе, протянула к солнцу свои первые сиреневые грозди цветов. Как будто само небо опустилось на хрупкие голые веточки, обещая надежду и любовь. И любовь вторглась в семью Ильиных, вызвав в ней первый раскол: Леандро решил отложить отъезд в Кэрнс, задержавшись в Брисбенской джакарандии еще на несколько недель...

Брисбенский иммигрантский центр, через который прошли сотни русских эмигрантов.

Immigration Depot, Brisbane.

¹⁰ Ильин. Письма из Австралии.

¹¹ Blue Book, Queensland Government, 1910.

А Николай продолжал описывать их дальнейшее путешествие:

«До небольшого портового городка Гладстона мы доехали бесплатно по железной дороге. Отсюда должны были заплатить по три фунта до Кэрнса, куда чрез двое суток с хорошими удобствами доставил нас небольшой океанский пароход. Это плавание между восточным берегом австралийского материка и грядой коралловых рифов, идущих параллельно берегу, с бесчисленными живописными островками, между которыми зигзагами пробирается пароход, в тихое время представляет в высшей степени приятную прогулку».

Теплый бриз едва колыхал прозрачную поверхность моря, сквозь которую виднелись коралловые сады, окружавшие островки Большого Барьерного рифа. Но острые социальные вопросы не оставляли Николая даже в этом райском уголке мира. «Пассажиров с нами было десятка три второго класса (соответствующего третьему) и 5-6 человек первого. Публика второго класса, состоящая из рабочих и земледельцев, по внешности вполне соответствовала нашей второклассной и пользовалась такими же удобствами». Среди пассажиров первого класса Николай обратил внимание на «миссионера Нью-Йоркского библейского дома, проповедующего между дикими племенами Евангелие». Такой спутник не мог оставить Николая равнодушным, и он тут же стал разоблачать перед удивленными пассажирами хищнические повадки сеятелей слова Божьего в Аргентине. На следующее утро, застав миссионера за продажей Библии, Николай снова не удержался: «Скажите, что бы сделал Христос, если бы застал вас за этим занятием?», спросил я. Ответа не последовало. «Припомните, как поступил он с продавцами голубей. А что было бы за торговлю божественным словом!» «О... оо! Вы анархист... анархист! Теперь я вижу...» И, пятясь, проповедник выделился из кружка и скрылся в первом классе, откуда больше не появлялся до приезда в Кэрнс».

Они задержались на неделю в Кэрнсе, «маленьком симпатичном городке, сплошь состоящем из просторно раскинувшихся одноэтажных построек», ожидая свой затерявшийся багаж, а затем «по железной дороге с даровыми эмигрантскими билетами направились в департамент Атертон», где им предстояло выбирать участки.

За окном вагона промелькнул живописный тропический прибрежный лес, перемежавшийся с ананасовыми и банановыми плантациями, и паровоз устремился в сторону горного плато,

«усиливаясь взять как можно больший разбег, чтобы легче взбежать на первую, уже недалекую возвышенность».

Но вот поезд начинает идти медленнее и медленнее. Это подъем. Если не возьмет сразу, то попытается и разбежится снова. Паровозы здесь сравнительно небольшой силы; дорога узкоколейная; это потому, что сооружение и такого пути стоило колоссальных затрат и трудностей. Зигзагами ползет поезд вверх, врезавшись в чудный, густо зеленеющий тропический лес. То он висит над бездною, в глубине которой между обвалившимися каменными обломками змеится серебристый ручей; то проносится по невидимому для пассажира мосту чрез глубочайшее русло высохшего горного потока; то исчезает в одном из шестнадцати тоннелей, расположенных на протяжении каких-нибудь двенадцати миль; то снова выбегает под ослепительно яркие лучи тропического солнца, развертывая перед восхищенными глазами пассажира с правой стороны только что оставленные сзади город и побережье с возделанными полями. Но теперь они раскинулись далеко-далеко внизу ярким колоритным сочно-зеленым пейзажем, поперек которого змеится ослепительно-яркий поток, только что вырвавшийся широкой бурливой волной из этих же гор, как будто где-то из-под самого бегущего над ущельем поезда. А там, где кончается резко очерченный берег с вкрапленными в него капризно разбросанными постройками, там начинается широкая, безграничная, теряющаяся в ясной синеве горизонта площадь спокойного, загадочно-равнодушного моря».¹²

Они любовались этой землей еще как туристы, не догадываясь, что судьба завязывает свои первые узелки, вплетая их жизни в историю этой новой земли. Уже спустя несколько месяцев Леандро и Ромелио будут работать на починке этой самой железной дороги, в туннеле N10, расчищая завалы, образовавшиеся после циклона, в то время как на другом конце туннеля юная Джейн Мейлер и ее семья будут ждать восстановления движения. Годы спустя Джейн, к тому времени уже миссис Уотерс, купит ферму Ильиных, переименовав ее в «Уотерсвейл»...

А поезд тем временем, подходил к «темной полосе сплошного гигантского леса». На расчищенной прогалине показались разбросанные домики городка Толга, стоящего на краю плато Атертон, конечной цели их путешествия, их Нового Света. ■

¹² Ильин. Письма из Австралии.